

АНДРЕИ МОРФИИ



СУДЬЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Морфий

Судья

<https://litres.ru/73743424>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ему тридцать, и у него дар: один взгляд — и он точно знает, виновен человек или нет. Этот дар давно стал проклятием, превратив жизнь в бесконечный конвейер приговоров. Он устал.

Но однажды механизм дает сбой. Обычное дело: подсудимый есть, потерпевший есть, а вины — нет. Впервые его дар ослеп. Либо преступления не было, либо мир сошел с ума.

Впервые судья решает нарушить правила и сам выходит на след. Он еще не знает, что столкнулся с делом, где его сила бессильна. И правда, которую он ищет, может навсегда стереть грань между судьей и преступником.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Дело № 147 (Немов).	14
Глава вторая. "Кто ещё?"	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Морфий

Судья

Пролог

Фемида — женищина, стало быть, и слепая, и с весами, и с мечом...

Н. В. Гоголь

Как только мужчина зашел в свою квартиру, он закрыл дверь на защёлку и просто уронил портфель на пол. Тяжело выдохнул.

Звук падения получился громким, почти неприличным в этой тишине — портфель гулко стукнул о мраморный пол. Итальянский камень, бледно-серый, с тёмными прожилками, похожий на старую мраморную плиту в морге, равнодушно принял удар и даже не дрогнул. Холод от него поднимался вверх, пробирая сквозь подошвы ботинок, добираясь до костей.

Велесов, поджав губы, ослабил узел галстука. Он посмотрел вниз: на идеально отполированной поверхности не осталось ни следа, ни пылинки. Словно портфель упал в никуда. Словно и самого его здесь не было.

Сделав шаг, он услышал, как каблуки цокают коротко и резко — звук заметался по пустой прихожей и погас, не

встретив преграды. Он медленно прошел на кухню, стараясь не смотреть на свои отражения в полированных плитах.

Квартира встречала его привычной тишиной. Идеально ровные линии, ни одной лишней вещи, ни одного случайного пятна. Здесь всё было подчинено порядку, который он выстроил годами. Порядку, который держался на его плечах, как мантия, — тяжелый, неудобный, необходимый.

На кухне пахло тишиной. Не запустением, нет — стерильностью. Поверхности сияли, техника поблескивала черным глянцем, ни одна крошка не смела нарушить геометрию столешницы. Велесов открыл холодильник, потянулся к морозильному отсеку.

Ящик был заполнен полностью. Он вытащил его, чувствуя, как холод обжигает пальцы даже через ткань рубашки, и понес в ванную.

Эта комната выглядела стерильнее операционной. Черная матовая плитка на полу с такой же черной затиркой, будто пол был вырезан из куска ночного неба. На стенах — белая кафельная плитка, гладкая, холодная, отталкивающая взгляд. Потолок матово-белый, с лампами холодного света, которые резали глаза, когда он забывал притушить яркость. Здесь не было места случайностям. Здесь всё подчинялось одному правилу: чистота, холод, пустота.

Он вывалил лед в ванну. Кубики зазвенели о белый чугун, разлетелись, заскользили по гладкой поверхности, сталкиваясь друг с другом. Потом открыл кран с холодной водой. Во-

да полилась медленно, тяжело, обволакивая лед, заставляя его потрескивать и плавиться на глазах.

Велесов не раздеваясь опустился в ванну.

Холод ударил сразу. Сначала в ступни, потом в икры, в поясницу, в грудь. Он не вздрогнул — он выдохнул, выпуская из легких весь дневной воздух, насыщенный чужими голосами, чужими криками, чужими тенями. Вода поднялась выше, пропитывая рубашку, прижимая ткань к телу, впитываясь в кожу холодом.

Это был его способ. Единственный способ, который он нашел за долгие годы. Так он "остужал" мозг, чтобы не смешивать работу и личное. Чтобы то, что он видел каждый день, не просачивалось в стены этой квартиры. Чтобы тени оставались там, за порогом, а здесь, в этой стерильной бело-черной коробке, было пусто. Абсолютно пусто.

Он закрыл глаза.

В темноте под веками всё еще двигались тени. Сегодняшние. Вчерашние. Те, что остались с ним навсегда.

Подсудимый в сером пальто. Тень за его спиной была размером с человека. Он убил жену. Сначала врал, потом признался и просто принял свою уесть. Просто стоял и молчал. Тень стояла за ним и тоже молчала. Велесов смотрел на неё и чувствовал, как она касается его собственной спины — холодная, липкая, чужая. Он вынес приговор. Тень осталась. Она всегда остается.

Свидетельница в цветастом платке. За её спиной тень

была крошечной, сжатой, будто замерзший комок. Она не убивала, не крала, не насильовала. Просто промолчала там, где надо было крикнуть. Прошла мимо там, где надо было остановиться. Её тень не росла, не чернела, но она была. Велесов отпустил её. Тень осталась. Она всегда остается.

Он открыл глаза.

Потолок был белым. Идеально белым. Он смотрел на него, пока белизна не начала расплываться, превращаясь в бесконечное ничто. Он хотел бы остаться в этом ничто. Хотя бы на ночь. Хотя бы на час. Хотя бы на минуту, когда ни одна тень не дышит ему в затылок.

Лед трещал под спиной. Вода остывала, становясь тяжелой, почти вязкой. Он чувствовал, как холод поднимается к груди, к горлу, к вискам. Скоро он начнет дрожать. Скоро тело взбунтуется и потребует тепла. Но пока он лежал неподвижно, позволяя холоду вымывать из головы дневную муть.

Он не знал, сколько времени прошло. Может, десять минут. Может, час. В этом промерзшем пространстве время текло иначе — медленно, тягуче, как застывающий воск. Он научился не замечать его. Научился ждать, пока внутри не наступит та самая тишина, ради которой он всё это затевал.

Тишина пришла не сразу.

Сначала ушли звуки — шум воды за стеной, гул лифта, далекие голоса за окном. Потом ушли ощущения — холод, сырость, тяжесть одежды, прилипшей к телу. Потом ушли мысли — они таяли одна за другой, как кубики льда в этой

ванне, оставляя после себя только бледные разводы, которые тоже исчезали.

Осталась только пустота.

Он выдохнул. Легкие наполнились холодным воздухом, и этот холод внутри казался почти теплым по сравнению с тем, что он носил в себе каждый день.

Велесов медленно сел. Вода стекла с него тяжелыми струями, унося с собой остатки дня. Он взглянул на свои руки — белые, с синевой под ногтями, с выступающими венами. Руки судьи. Руки, которые подписывали приговоры. Руки, которые никогда не дрожали.

Он поднялся из ванны, оставляя на черной плитке мокрые следы. В зеркале над раковиной отразился чужой человек — бледный, с запавшими глазами, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Велесов смотрел на него, и тот смотрел в ответ. Ни тени за спиной. Ни пятнышка. Чистота.

Но он знал, что это ненадолго.

Он стянул мокрую рубашку, бросил её в корзину. Встал под горячий душ, позволив воде прогреть коченеющее тело. Пар наполнил ванную, оседая на зеркалах, на плитке, на стеклянной перегородке. В этом тумане можно было спрятаться. Ненадолго. Всегда ненадолго.

Когда он вышел, в квартире было темно. Он не включал свет — знал каждый угол, каждый изгиб мебели, каждую половицу. Прошел в спальню, бросил на кровать халат, лег поверх одеяла, глядя в потолок.

В комнате пахло сухостью и чистотой. Ничего лишнего. Ничего, что напоминало бы о том, кто он и чем занимается. Здесь он был не судьей. Здесь он был просто человеком, который пытается уснуть.

Сон пришел не сразу. Он всегда приходит не сразу. Сначала в голове прокручиваются дела, лица, тени. Потом они начинают смешиваться, терять очертания. Потом исчезают.

Иногда он просыпался среди ночи от ощущения, что кто-то стоит за его спиной. Он не оборачивался. Никогда не оборачивался. Потому что знал: если обернется — никого не увидит. А если увидит, то уже не сможет делать свою работу.

Сегодня он провалился в сон быстро. Или ему так показалось. Во сне не было теней. Во сне он шел по белому полю, и снег скрипел под ногами, и небо было белым, и горизонт был белым, и он шел туда, где белизна смыкалась с белизной, и ему казалось, что если он дойдет, то навсегда останется там, в этой пустоте.

Но он не дошел.

Телефон зазвонил в три часа ночи.

Велесов не сразу понял, где он. Комната была черной. За окном — темнота. Телефон на тумбочке вибрировал и светился, высвечивая незнакомый номер.

Он не взял трубку.

Дал отзвенеть. Потом еще раз. И еще. На четвертый звонок он сел на кровати, взял телефон, посмотрел на экран. Номер был незнакомый, определитель молчал.

Он сбросил вызов.

Потом долго сидел в темноте, слушая, как стучит сердце. Слишком громко. Слишком часто. Он знал это чувство — когда тело просыпается раньше разума и уже знает, что случилось что-то, что изменит всё.

Звонки не повторились.

Велесов лег, закрыл глаза. Сон не возвращался. Он лежал, глядя в потолок, пока серый рассвет не начал просачиваться сквозь шторы.

Он встал, прошел на кухню, включил чайник. До работы оставалось четыре часа. Он мог бы поспать, но знал: уже не уснет.

Чайник закипел. Он налил кипятка в кружку, опустил пакетик, наблюдая, как вода окрашивается в янтарный цвет. За окном начинался день — серый, сырой, ноябрьский.

Он включил телевизор по привычке. Не чтобы слушать — чтобы заполнить тишину. Дикторша говорила о чем-то своем, привычном, будничном. Велесов пил чай, смотрел на свои руки, на кружку, на струйку пара, поднимающуюся к потолку.

Потом он услышал это.

— ...совершено резонансное убийство. В собственной квартире найден мертвым Андрей Борисович Немов, заведующий отделением реанимации городской больницы №14. По данным следствия, убийство было совершено в период с десяти вечера до полуночи. Преступник проник в квартиру, не

оставив следов взлома. Подозреваемых пока нет. Коллеги и пациенты в шоке — Немов был известен как высококлассный специалист и...

Велесов поставил кружку на стол.

На экране мелькнуло лицо убитого. Обычное лицо. Усталое. С глубокими морщинами у глаз и плотно сжатыми губами человека, который много лет видел то, что не должно видеть никто.

Но Велесов смотрел не на лицо. Он смотрел на глаза. Они были спокойны. Слишком спокойны для убитого. Как у человека, который ждал. Который знал, что это случится. Который, возможно, даже хотел этого.

Велесов выключил телевизор.

В комнате стало тихо. Слишком тихо. Он сидел неподвижно, чувствуя, как холод разливается по телу, не имеющий ничего общего с утренней прохладой. Это был другой холод. Тот, что он знал слишком хорошо. Тот, что приходил, когда его дар касался того, к чему не должен был прикасаться.

Он закрыл глаза.

И увидел.

Человек в темной одежде поднимается по лестнице. Не крадется, не прячется. Идет спокойно, уверенно, как на работу. Останавливается перед дверью. Не звонит — ждет. Знает, что откроют. Знал, что ждали.

Дверь открывается. На пороге — тот самый, с экрана. Без халата, без очков, без защиты. Просто старый, уставший че-

ловек в домашней рубашке.

— Заходи, — говорит он. — Я знал, что ты придешь.

Велесов открыл глаза.

Он не знал, откуда пришли эти образы. Не знал, видение это или воображение, разыгравшееся на пустом месте. Он никогда не видел того, что не случилось при нем. Его дар работал иначе. Он видел только тени, которые оставались после. Тени вины.

Но сейчас он видел другое. Или ему казалось, что видел.

Он встал, прошел в ванную, плеснул холодной водой в лицо. В зеркале отразился чужой человек — бледный, с запавшими глазами, с капельками воды на лбу. За его спиной — пустота.

Он смотрел на свое отражение, пока вода не высохла. Потом вернулся на кухню, допил остывший чай и начал собираться на работу.

Он еще не знал, что это дело станет его. Что уже через несколько часов ему положат на стол папку с надписью "Немов А.Б."

Потому что убийца не чувствовал вины.

Или чувствовал, но она была не его.

Велесов застегнул пальто, взял портфель, вышел в коридор. У двери остановился, обернулся.

Квартира стояла пустая, чистая, стерильная. Ни одной тени.

Он вышел, закрыл дверь на защелку. Шагнул в лифт, на-

жал кнопку первого этажа.

Лифт поехал вниз.

А наверху, в пустой квартире, на кухонном столе, рядом с недопитой кружкой чая, шевельнулась тень. Тонкая, серая, почти незаметная. Та, что приходит, когда судья смотрит на преступление, которого еще не видел никто.

Она лежала на столе, пока лифт не остановился внизу. Потом медленно сползла на пол и растаяла.

В квартире снова стало пусто.

Глава первая. Дело № 147 (Немов).

Утро началось с тишины.

Велесов вошел в кабинет, повесил пальто на вешалку, сел в кресло. На столе, там, где он вчера оставил, лежало прошлое дело — бытовое убийство, пьяная драка. Мужчина приревновал жену и решил «решить проблему на корню». А когда протрезвел и понял, что натворил, сам вызвал скорую. Правда, сперва попытался врать.

Только Григорий Велесов — не тот человек, которому стоит лгать. Тень за спиной подсудимого, хоть и была невелика, всё же присутствовала. Говорила о вине. Доказать причастность не составило труда — мужик не умел врать, путался в показаниях, оговаривался, запутывал себя в собственных же словах. Всё понятно. Всё просто.

Велесов пролистал дело, задержавшись на последней странице, и позволил себе короткую, почти незаметную улыбку. Удовлетворение от выполненной работы — редкий гость в его практике, но сегодня он заглянул.

Он заварил кофе — турку поставил на электрическую плитку, подождал, пока пенка поднимется трижды, разлил по чашке. И в тот самый момент, когда он опустил в кресло, в дверь тихо постучали.

Секретарь вошла бесшумно, положила новое дело на край стола — строго под прямым углом, как всегда, — и так же

незаметно исчезла, притворив за собой дверь.

Велесов сделал несколько глотков, давая себе время. Потом перевел взгляд на папку.

Она была большой, толстой, прошитой белыми нитями. На узлах — сургуч, ещё не тронутый временем. На обложке — регистрационный номер, фамилия, статья.

Он отодвинул кружку, взял папку в руки. Взвесил. Тяжелая.

Он уже слышал это в новостях. Любое убийство сейчас освещают, но это обещало быть особенным — громким, почти неприличным по своей нелепости. Известного врача-реаниматолога убили в собственной квартире. Без следов взлома. Без свидетелей. Даже лицо он запомнил — спокойное, усталое, с плотно сжатыми губами. Лицо человека, который чего-то ждал.

Велесов открыл первый том.

Обвинительное заключение. Убийство на почве личных неприязненных отношений. Обвиняемый — мужчина, сорок два года, ранее не судим.

Перелистнул.

Показания свидетелей, протокол осмотра места происшествия, заключение экспертизы.

Перелистнул еще.

И замер.

Следователь постарался на славу. В деле были все положенные бумаги, ни одного пропуска, ни одной формаль-

ной ошибки. Доказательства собраны, свидетели конфликта опрошены, экспертизы назначены. Формально — идеально. Не за что зацепиться.

Кроме одного.

Обвиняемый полностью подходил под описание. Ссорился. Угрожал. Был на месте в примерное время. Но за его спиной не было тени.

Ничего.

Абсолютная, пугающая пустота.

Велесов перечитал показания обвиняемого. Перечитал показания свидетелей. Всмотрелся в фотографии с места преступления.

Ничего.

Он захлопнул дело и откинулся на спинку кресла. В висках застучало — сердце вдруг напомнило о себе гулким, не вовремя проснувшимся эхом. Потом наступила тишина. Только часы на стене отсчитывали секунды — сухо, равнодушно, как метроном в операционной.

Он знал это чувство. Оно приходило нечасто — может, раз в год, может, реже. Но каждый раз, когда оно появлялось, удар приходился прямо под дых. Дар молчал.

Не потому что ошибался. Ему просто не с чем было работать. Подозреваемый был чист. Как белый лист. Как эта папка с её сургучными печатями. Как стерильный пол в его собственной ванной.

А это означало одно из двух: либо следователь ошибся —

собрал улики против невиновного, поверил в ложное алиби, проглядел настоящего убийцу. Либо...

В дверь постучали. Настойчиво, сильно. Тот, кто это делал, явно не привык получать отказы.

— Войдите, — произнес Велесов, потирая лицо ладонями.

В кабинет вошла женщина. Лет тридцати пяти, в черном брючном костюме, с папкой под мышкой. Она выглядела крупной, сильной — если бы не стиль одежды, её можно было бы принять за мужчину. Но выдавал взгляд: тяжелый, цепкий, без тени кокетства.

Следователь прокуратуры Ирина Соболева. Он знал её. Раньше они пересекались часто — она вела громкие дела, он их судил. Но потом её дела почему-то перестали попадать ему на стол. То ли распределение изменилось, то ли она сама попросилась к другому судье. Он не спрашивал.

— Григорий Владимирович, — она не спросила, можно ли сесть, просто опустилась на стул напротив. — Я по делу Немова.

Велесов молчал, рассматривая её. За её спиной была тень. Маленькая, бледная, почти незаметная — такие бывают у людей, которые однажды солгали под присягой или скрыли мелкую улику. Ничего серьёзного.

Но она была. И это вызвало у него короткую, едва заметную усмешку. Даже такие, как она, не идеальны.

— Я слушаю, — сказал он.

— Дело странное, — Ирина положила перед ним свою папку. — Обвиняемый есть, улики есть, а я... не верю.

— Следователи не должны верить или не верить. — Он повторил прописную истину, хотя сам знал: она права. — Они должны доказывать.

— Я знаю. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Поэтому я здесь. Мне нужен свежий взгляд. Вы — самый опытный судья по уголовным делам в этом здании. Я принесла материалы. Посмотрите. Скажите, где я ошиблась.

Велесов не взял её папку. Она сама положила её на стол — аккуратно, почти вровень с краем. Правила он знал наизусть: судья не имеет права вмешиваться в следствие. Не может давать указания, подсказывать, направлять. Это превышение полномочий.

Но следователь может попросить совета. По-человечески. А судья может посмотреть материалы, если они уже поступили в суд. Технически — чисто. По сути — серая зона, в которой он уже давно научился балансировать.

— Я не могу вести следствие, — сказал он.

— Я и не прошу.

— Я не могу давать тебе указания.

— Я просто хочу услышать твоё мнение. — Она перешла на «ты» легко, будто они были знакомы годами. Может, так оно и было — только называлось это не дружбой, а долгим, утомительным соседством по коридорам правосудия. — Ты согласишься?

Велесов помолчал. Секунд десять. Может, двадцать. Потом открыл её папку.

— Оставь. Я позвоню.

Ирина кивнула, поднялась. У двери обернулась — посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. На его уставшее лицо, на мешки под глазами, на седину, пробившуюся в висках.

— Григорий Владимирович... — голос её вдруг потерял напор, стал почти человеческим. — Там ещё кое-что. Немову закрыли глаза. Аккуратно. Будто прощались. Я таких убийств не видела.

Она вышла.

Велесов остался один.

Он сидел неподвижно, глядя на две папки — свою и Ирину. Его собственная лежала закрытой, чужая — открытой на первой странице. Белые листы, чёрный шрифт, сухая канцелярская проза.

Он протянул руку и перелистнул.

Протокол осмотра места происшествия. Квартира Немова. Прихожая, кухня, спальня. Описание трупа: лежит на спине, руки вдоль тела, глаза закрыты.

Велесов закрыл глаза.

И увидел.

Человек в тёмной одежде поднимается по лестнице. Не крадётся, не прячется. Идёт спокойно, уверенно, как на работу. Останавливается перед дверью. Не звонит — ждёт.

Знает, что откроют. Знал, что ждали.

Дверь открывается. На пороге — Немов. Без халата, без защиты. Просто старый, усталый человек в домашней рубашке, с закатанными рукавами. В руке — чашка чая. Пар ещё идёт.

— Заходи, — говорит он. — Я знал, что ты придешь.

Голос спокойный. Ни страха, ни злобы. Только усталость. Бесконечная, выжженная усталость человека, который слишком долго нёс груз, не предназначенный для одних плеч.

Велесов открыл глаза.

В кабинете никого не было. Только папки на столе, только часы на стене, только тени от шкафов, вытянувшиеся вдоль пола. И он сам — молчаливый, нарушающий закон уже тем, что сидит здесь и смотрит на чужое следствие. Но можно ли это назвать нарушением? Формально — нет. По сути — он давно уже переступил черту, просто отказывался в этом признаваться.

Он посмотрел на свою папку — ту, что принесла канцелярия. Нашёл фото обвиняемого. Всмотрелся в его лицо — испуганное, затравленное, с дрожащими губами. За его спиной — пустота.

Абсолютная. Пугающая. Стерильная.

Велесов взял лист бумаги, ручку. Написал одно слово:

Почему?

И подчеркнул трижды. Так, что ручка прорвала бумагу в

последнем взмахе.

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и долго сидел так — в тишине, в полумраке, среди теней, которые тянулись к нему от шкафов, от стеллажей, от собственных рук, лежащих на подлокотниках. Тени не спрашивали. Тени не требовали ответа. Они просто были — как напоминание о том, что даже здесь, в святая святых правосудия, тьма находит себе место.

За окном начинался новый день. Серый, промозглый, ноябрьский. Город просыпался — где-то внизу уже гудели машины, кто-то кричал, кто-то смеялся, кто-то проживал свою обычную, не имеющую никакого отношения к убийствам жизнь.

Велесов открыл глаза, посмотрел на исписанный лист.

Почему?

Ответа не было. И не могло быть — по крайней мере, сегодня.

Он взял папку Ирины, перелистнул на первую страницу и начал читать заново. Вдумчиво, медленно, как хирург, вскрывающий сложный случай. В каждой строчке он искал то, что другие могли пропустить. Ту самую зацепку, ту маленькую деталь, ту крошечную трещину в идеально выстроенном здании обвинения, которая позволила бы ему понять, почему тени нет, хотя она должна быть.

Часы на стене отсчитывали секунды. Кофе в чашке давно остыл.

Велесов читал.

И где-то глубоко внутри, там, где его дар спал, ожидая сигнала, начинала зарождаться смутная, ещё не оформленная мысль: это дело — не такое, как все. И тень, которую он не видит, существует. Просто она не там, где он привык её искать.

Она — у него за спиной.

Он резко обернулся.

Никого.

Только его собственная тень на стене, отброшенная настольной лампой.

Велесов отвернулся, потер переносицу.

— Спокойно, — сказал он себе вслух. Голос прозвучал хрипло, неузнаваемо. — Спокойно. Ты просто устал.

Но он знал, что это неправда. Усталость была давним, привычным спутником. А это — другое. Это — холод. Тот самый, от которого не спасает ни горячий душ, ни ванна со льдом. Тот, который приходит изнутри.

Он взял ручку и написал на полях протокола:

Проверить алиби свидетеля №3. Временной разрыв — 17 минут.

И подчеркнул.

Не потому, что был уверен. А потому, что нужно было с чего-то начать.

За окном моросил дождь. Капли стекали по стеклу, искажая очертания города. Велесов смотрел на них и думал о

том, что правда — как эта вода: она всегда находит путь. Даже сквозь стены. Даже сквозь ложь. Даже сквозь пустоту, которую оставляет после себя его молчащий дар.

Он не знал, найдёт ли её в этом деле. Но знал точно: он должен попытаться.

Иначе зачем всё это?

Иначе какой он судья?

Глава вторая. "Кто ещё?"

Справедливость — то, чем всю свою сознательную жизнь жил Григорий Велесов.

Когда дар появился впервые, мужчина не помнил. А вот какие эмоции он испытал тогда, запомнил намертво. Страх. Потом — облегчение. Все эти ощущения сохранились в памяти с почти пугающей отчетливостью. И ему очень хотелось испытать что-то подобное снова — ту остроту, тот первобытный трепет перед лицом необъяснимого. Но сейчас его должна волновать только работа. Поэтому мужчина сильнее вглядывался в документы, которых не должно было быть на его столе.

Григорий вчитался и понял: нужно звонить Ирине. Единственной женщине, которую он считал следователем. Не потому, что она чья-то дочь или чья-то протееже. Не потому, что она когда-то была в чьей-то постели. Он точно знал: она сама, лично, без чьей-либо помощи всегда распутывала самые сложные дела. Цепкая, циничная, дотошная.

Да, только эта её самостоятельность сыграла с ней злую шутку. Женщина стала похожа на мужчину — угловатая, резкая, с тяжелым взглядом. Её сердце каменело год от года, и она так и не смогла построить того, что называют «женским счастьем». Велесов видел в ней себя. Он тоже был одинок. Только благодаря своей силе.

Силе, которую он одновременно любил и ненавидел.

Дар — сущее проклятие. Вершить правосудие, видя всех насквозь, — это не то, чем Григорий хотел заниматься. Всю сознательную жизнь, когда он только вошел в систему правосудия, мужчина желал быть следователем. Но судьба распорядилась иначе — буквально и фигурально. Он ушел в судебскую систему и впоследствии начал судить тех, кто приходил к нему.

Когда бумага наконец перестала шелестеть под пальцами, судья взял телефон, провел пальцем по экрану, нашел нужный номер в списке контактов. Нажал, приложил трубку к уху и начал нервно стучать пальцами по столу. Мелодия от прикосновения подушечек к дереву продолжалась до тех пор, пока в динамике не послышался грубый женский голос.

— У аппарата, — твердо произнесла она. В трубке слышно было, как она пыхтит — то ли куда-то торопилась, то ли поднималась по лестнице.

Григорий Владимирович, вместо легкого намека, решил сказать прямо.

— Проверьте свидетельницу номер три, Клавдию Петровну. Там временной разрыв. — Он говорил четко, без лишней воды, потирая пальцами переносицу и прикрывая глаза. Он сам еще не понимал, зачем вообще полез в это дело.

— Какой разрыв? — переспросила Ирина.

— В протоколе написано, что она вернулась домой в десять. А убийство — в одиннадцать. Но она говорит, что «ве-

чером было тихо». Убийство не может быть тихим.

— Думаешь, врет? — В голосе следователя появилась задумчивость, затем раздался хруст пальцев — привычка, которую Велесов терпеть не мог.

— Недоговаривает.

— Поняла вас, спасибо.

— Только не дави на нее. Думаю, мне не нужно объяснять, почему этого не стоит делать.

— Хорошо, я проверю.

Велесов ничего не сказал. Просто сбросил звонок, отложил телефон, сложил руки на столе и принялся сверлить взглядом стену напротив. Он задумался о своих действиях. Буквально сейчас он нарушал закон. Только было ли это прямым нарушением?

Нет. Наверное.

А теперь нужно приступать к основной работе. Буквы, цифры, фотографии. И так по кругу. Велесов положил телефон на стол, откинулся в кресле и несколько минут просто сидел, глядя в потолок. Над головой — обычный подвесной потолок с квадратными светильниками дневного света. Ничего примечательного. Ничего, что отвлекало бы от мыслей. Он подумал о том, что сегодня предстоит разобрать еще три ходатайства, подготовить два определения и начать изучение нового дела — того самого, с врачом, которое ему, по идее, и не следовало трогать.

Но он его уже трогал.

И теперь не мог остановиться.

Он открыл папку на первой странице и начал читать заново. Вдумчиво. Медленно. Как хирург, который вскрывает брюшину, зная, что там внутри — не только боль, но и, возможно, ответ. На каждой странице он искал то, что пропустили другие. Ту самую деталь, ту крошечную трещину в идеально выстроенном здании обвинения, которая позволила бы понять: почему тени нет, хотя она должна быть.

Часы на стене отсчитывали секунды. Кофе в кружке давно остыл.

Григорий читал.

И где-то глубоко внутри, там, где его дар спал, ожидая сигнала, начинала зарождаться смутная, еще не оформленная мысль: это дело — не такое, как все. И тень, которую он не видит, существует. Просто она не там, где он привык её искать.

Вот день закончился. Велесов начал собираться домой — убрал все как надо, но, посмотрев на папку, принесенную следователем, закусил губу. Секунду поколебался, а затем быстро сунул ее в свой дипломат. И, словно сам был преступником, сбежавшим с места преступления, покинул кабинет, торопливо шагая по пустому коридору.

Дома его встретила привычная тишина и холод. Но в этот раз они не угнетали. Вместо того чтобы отправиться в ванную со льдом, он, нарушая собственные же правила, прошел напрямик в кабинет и опустился в кресло. Зажег настольную

лампу, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, выдохнул и открыл папку.

Впервые за долгие годы он смешал работу с домом. Впервые позволил себе пропитать свое личное пространство сладким ядом запретного знания. Его уволят, если узнают, что он вмешивается в следствие. Но это было впервые за столько лет — чувствовать что-то, кроме усталости. Дрожь в пальцах, тяжесть в груди, острое, почти болезненное любопытство. Велесов не испытывал ничего подобного со времен начала своей карьеры, когда каждое новое дело было приключением, а не рутинной.

Он перечитал протоколы. Пересмотрел фотографии. Сверял время, показания, даты. И чем больше вглядывался, тем отчетливее понимал: здесь что-то не так. Слишком много совпадений. Слишком идеальные улики. Слишком послушные свидетели.

Григорий посмотрел на наручные часы. Поздний час. Он знал, что Ирина вряд ли пошла сегодня проверять показания той самой старухи. Она методичная, но не настолько одержимая. Она ждет завтрашнего утра, официального разрешения, бумажной волокиты. А он ждать не мог.

Его распирало от чувства недовольства и нетерпения. Велесов буквально ерзал в кресле, как школьник в ожидании результатов контрольной. В итоге он не выдержал — сорвался с места, наспех оделся и вышел в ночь.

Он шел по темным улицам города, которые освещались

лишь редкими уличными фонарями. Лампочки мигали, то разгораясь, то угасая — местная власть не слишком заботилась о городском хозяйстве. Его богатый район остался позади. Теперь он брел по спальным кварталам, где дома еще помнили хрущевскую эпоху, где стены покрывала облупившаяся краска, а дворы были заставлены ржавыми качелями.

Он искал таблички. Вглядывался в выцветшие надписи, которые с трудом можно было разобрать в тусклом свете. Наконец он заметил нужный номер — цифры почти стерлись, но он узнал их по памяти. Желанное место.

Григорий Владимирович вошел в подъезд. Воздух встретил его тяжелым запахом сырости, плесени и кошачьей мочи. Подъезд был темен — лампочки давно выкрутили местные хулиганы, оставив после себя лишь голые патроны и разбитые плафоны. Он поднялся на нужный этаж, минуя квартиры, не обращая внимания на синие стены, разрисованные граффити и неприличными надписями. Странно, но в его время мальчишки хотя бы выкручивали лампочки, а не рисовали на стенах.

На этаже запахло домашней едой. И это оказалось неожиданно сильным ударом — тушеная капуста, пироги, какой-то суп. Запах смешивался с ароматами кошачьей шерсти и старого ковра, но все равно вызывал у Велесова прилив слюны, как у собаки Павлова на звонок. Он вдруг осознал, что забыл поужинать. Но брать себя в руки.

Велесов постучал в нужную дверь. Никто не открыл. По-

стучал второй раз. За дверью послышался шорох, кто-то подошел, посмотрел в глазок. Но дверь не открылась. Он оглянулся — в соседней квартире горел свет. Значит, тут ему точно должны открыть.

Он постучал. Дверь открылась почти сразу, словно женщина ждала его у порога.

Женщина на вид лет сорока, но уставшее лицо и мешковатая одежда прибавляли ей добрый десяток лет. Она смотрела на Велесова недоверчиво, окидывая взглядом его дорожной костюм и начищенные ботинки.

— Что вам надо? — спросила она с явным раздражением.

— Извините, что потревожил вас, — Велесов говорил ровно, спокойно, придавая голосу ту особую доверительную интонацию, которую выработал за годы общения со свидетелями. — Я помощник следователя. Меня попросили еще раз опросить Клавдию Петровну, вашу соседку.

— Она вам ничего нового не расскажет. Она же боится. — Женщина произнесла это монотонно, почти с обреченностью, скрестив руки на груди.

Григорий поднял бровь. Заметив его немой вопрос, женщина тяжело вздохнула, понимая, что придется объяснять.

— Она боится, — повторила она, понизив голос. — Старая постоянно говорит, что ей велели молчать. Но кто — она не знает. Или не говорит. У нее давно проблемы с головой, вероятнее всего, к этому добавились еще и галлюцинации.

— А вы уверены, что она точно не могла кого-то видеть?

— уточнил Велесов, стараясь не давить, но и не отступить.

Женщина посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Потом чуть склонила голову набок, как будто раздумывая, стоит ли продолжать.

— Я не говорила, что она ничего не видела, — произнесла она, четко выделяя каждое слово. — Я сказала, что она боится. А то, что было на самом деле — она пожала плечами, — может, она и рассказала, да только кто ей поверит?

— Что именно она могла рассказать?

Женщина молчала несколько секунд. Потом медленно покачала головой.

— Завтра. Приходите завтра днем. Может, она сама вам расскажет. — И она захлопнула дверь, оставив Велесова одного в темном, пропахшем плесенью коридоре.

Он стоял, глядя на закрытую дверь. В голове его мысли кружились ураганом — они сталкивались, сливались в одно, потом разъединялись и собирались снова во что-то, напоминающее Франкенштейна. Части не складывались. Ответы не приходили.

Григорий шел обратно по уставшим улицам города, которые молодёжи казались загадочными и притягательными, но для него они были лишь безнадежной серостью. Дома он решил немного опустошить голову — принял контрастный душ, позволив холодной воде смыть с него пыль ночного города, а горячей — прогнать остатки напряжения. А потом лег в постель и провалился в тяжелый, тревожный сон.

Утро встретило его тусклым светом, просачивающимся сквозь жалюзи.

Велесов пришел в кабинет раньше обычного, кивнул удивленной уборщице, прошел к своему столу. И замер.

На столе лежал конверт. Белый, плотный, без марки, без обратного адреса. Просто его имя, написанное от руки — размашисто, уверенно, почти вызывающе.

Он тяжело выдохнул. Первая мысль — взятка. За годы работы ему предлагали все: деньги, часы, путевки на юг, даже собаку породистую. Он всегда отказывался — молча, холодно, не оставляя шанса на повторную попытку. Но почему-то сейчас, вместо того чтобы швырнуть конверт в корзину, он взял его в руки. Взвесил. Осторожно вскрыл.

Внутри лежали бумаги. Старые, пожелтевшие по краям, с неровными обрывами — явно вырванные из общей тетради или блокнота. Сложенные в несколько раз, но не разглаженные. Он развернул их.

И сразу узнал почерк. Кривоватый, с наклоном, местами неровный — но уверенный. Почерк человека, который привык много писать и мало говорить.

Дневник Немова.

Первая запись была короткой и страшной:

«Они приходят ко мне по ночам. Те, кого я отпустил. Не с упрёком — с благодарностью. Я делал это не из жестокости. Я делал это из любви. Кто поймёт? Как мне было больно. Очень больно. Но я знал, что так нужно. Иначе они

мучились бы дальше. А я не мог на это смотреть».

Велесов перечитал. Перечитал еще раз.

Немов вел дневник. Значит, осознавал. Знал, что делает. И знал, что это неправильно, иначе зачем было записывать?

Он перевернул страницу.

Следующая запись была крупнее, будто писалась в спешке, в волнении:

«Знаешь, кто придёт за мной? Такой же, как я. Кто-то, кто тоже несёт груз, который не должен нести один человек. Я жду его. И я боюсь не смерти — я боюсь, что он не поймёт. Что он решит, что я монстр. А я просто устал. Я так устал, что каждое утро просыпаюсь и думаю: «Неужели снова?»»

Велесов отложил бумагу на стол, откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. Старые деревянные рамы обрамляли давно не мытые стекла, за которыми город просыпался — медленно, неохотно, как человек, которому не хочется встречать новый день. Где-то вдали еще виднелись звезды, бледные, почти прозрачные, и Григорий Владимирович смотрел на них, но думал о другом.

Он знал, что его убьют. Прекрасно знал. Потому что сам убивал. Но почему он ждал этого? Почему хотел смерти? Неужели усталость может довести до такого отчаяния? Неужели он не осознавал, что мог дальше спасти десятки людей, жертвуя теми, кто уже безнадежен? Немов. У тебя даже жены нет. Не то чтобы детей. Ты жил для работы.

Ты умирал для работы. Почему ты был благодарен тому, кто тебя убил?

Велесов взял в руку ручку — ту самую, с металлическим колпачком, которую держал на столе для особенных пометок. И на полях дневника, там, где оставалась свободная белая полоса, написал:

«Кто ещё?»

И подчеркнул.

Потому что если Немов «отпускал» безнадежных пациентов, то у многих родственников этих людей был мотив отомстить врачу. И сколько таких скопилось за годы его работы — не счесть. Десятки, сотни. У каждого — своя боль, своя утрата, свой счет к человеку в белом халате, который решил, что имеет право распоряжаться чужой жизнью. Или смертью.

Только была ли это месть?

Велесов снова посмотрел на записи. *«Я ждущего»*. *«Я боюсь не смерти»*. *«Я просто устал»*.

Это не было похоже на ненависть. Это было похоже на прощание. Он ждал убийцу, как ждут старого друга, который придет забрать тебя домой. Он знал, что его убьют. И он был готов. Более того — он хотел этого.

Григорий закрыл глаза. В голове снова закружились образы: старый врач, операционная, больничные коридоры. И человек — тот, кто войдет в его дом ночью и скажет: *«Я знал, что ты придешь»*.

Кто он?

Мужчина открыл глаза, посмотрел на часы. Время шло. Работа ждала.

Но перед тем как убрать конверт в ящик стола, он сделал еще одну пометку — на отдельном листе, для себя:

«Проверить: есть ли у Немова пациенты, чьи родственники умерли вскоре после них. Возможно, убийца — не мститель. Возможно, он — союзник».

И подписал: «Г.В.».

За окном занимался день. Серый, промозглый, но все же — день. И Велесов знал: сегодня ему предстоит многое сделать. И еще больше — понять.

Он убрал дневник в сейф, закрыл его на ключ и повернулся к новому делу, которое канцелярия принесла с утра. Буквы. Цифры. Фотографии. И так по кругу.

Но в глубине души он уже знал: он вернется к этим записям. Сегодня. Или завтра. Он не сможет не вернуться. Потому что тень, которую он искал, была не там, где он привык ее видеть. Она была в этой бумаге. В этих словах. В этом молчаливом крике человека, который ждал смерти и встретил её с благодарностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.